

Почему нам больно, когда уходит артист

РЕКВИЕМ

Завтра — девятый день кончины Олега Борисова.

Они уходят один за другим. Известные, любимые зрителями. А зрители — это все мы. Даже если не сидим ежевечерно в зрительном зале. Мы актеров знаем, о них спорим, на их премьеры спешим. Если не в театр, то к телевизору — из кухни в комнату.

Последний уход — Олега Борисова — отозвался особой болью. Люди разных поколений ощутили, что с ним ушла и какая-то часть их собственной жизни. Ушла в прошлое, в память.

У кого-то это память о Кистере в «Трех мешках сорной пшеницы» или о принце Гарри в «Генрихе IV», других работах актера в спектаклях Товстоногова, на сцене БДТ. У тех, кто помоложе — о герое «Кроткой», о «Павле I». А есть еще и общая память о его ролях в фильмах Абдрашитова и Миндадзе, есть телевидение и память о Рафферти, Версилове в «Подростке». И многое еще припомнится, чем вошел актер в нашу собственную биографию.

Что это за связь, особая, интимная, соединяющая нашу жизнь с жизнью актера?.. Мы, естественно,

благодарны ему, когда он нас развлекает, утешает: бодрись, все обойдется. Мы признательны актеру за то, что он красив, обаятелен, полон юмора, энергии, радости — олицетворение того, что мы хотели бы встретить в жизни. Это понятно. Ведь когда человек смотрит на сцену или экран, он думает о себе, разрешает свои проблемы, выбирает манеру поведения. Это хлеб насущный зрителя.

Но не нами сказано — не хлебом единым жив человек. И у каждого в жизни бывают минуты, а то и часы, когда надо разобраться в себе, понять, что ты есть в этом мире, что есть другие, разрешить сомнения, рвущие душу. И тогда нам нужен такой артист, как Олег Иванович Борисов. Он становится властителем дум наших, потому что кого бы он ни играл — всегда раскрывал перед нами душу современного человека, разорванную, смутенную, полную сомнений.

Он обнажал внутреннюю жизнь человека, извлекал из нее все лучшее, но и все темное, злое, раздражительно жестокое, сталкивал эти силы и измерял своего героя одной мерой — человек он или нет. В нем всегда была жизненная узнаваемость и неповторимая индивидуальность — сплав этих качеств давал нам возможность узнать себя. Перед нами всегда был человек в трагических обстоятельствах.

Жизнь показала, что в них может оказаться каждый из нас. Но мы стараемся из них выйти без трагических последствий, а Борисов всегда доводил своих героев до попытки разрешить обстоятельства поступком. (Мы тоже об этом мечтаем, но у нас это «рефлекс лестничной площадки». Борисов же всегда оказывался тем, кем нам хотелось быть, если бы мы себе это позволили.)

А чего это артисту стоило... Лев Додин после работы над «Кроткой» сказал о Борисове, что он, достигнув многого, проявил «истовость мастера, готового к ученичеству», что он вечно неудовлетворен, что им владеет «страсть к самосожжению» в герое. Да, он сгорал в каждом из них, проживая их страсти, пробиваясь к истине. Это он сам сказал, что цель театра — пытаться пробиться к истине, «от которой станет больно и светло людям». Именно так — сначала больно, а потом светло.

И он находил эту боль, наши скрытые, подавленные страсти, он их проживал перед нами и возвышал нас до понимания самих себя. Потому так больно, когда он ушел.

Вера ИВАНОВА,
заслуженный деятель
искусств России

